

2. Bagana J., Voloshina T. G. Semantic and etymological characteristics of the vocabulary of the thematic group "food" in the territorial version of the English language of Nigeria // Scientific thought of the Caucasus, 2018, № 2, pp. 97–101.
3. Bambgoose A. New Englishes: A West-African perspective, 2004. 109 p.
4. Fevzi A. Y. Indigenous languages and technological development in Africa, 2014. P. 118.
5. Igboanusi H. A Dictionary of Nigerian English Usage, 2010. P. 369.
6. Oke R. Sociolinguistic dimension of globalization: the gradual shift of Yoruba personal names among young people in southwestern Nigeria // African Symposium. 2014, pp. 78–91.
7. Olabode E. A Indigenous languages in Africa and their values // Centre for African development, 2010. P. 16-24.
8. Smith R. Main noun class system, the language of Western Kainji., 2007. P. 157.

ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПОСТРОЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА»

Бардина Татьяна Константиновна, кандидат филологических наук, доцент, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: bardina-tatjana@mail.ru.

В статье представлены грамматические средства реализации сравнительных конструкций в тексте повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». Проанализированные средства позволили обнаружить глубокую связь сравнительных конструкций с народной поэтикой и фольклором, проследить отношения слообразовательных грамматических категорий и контекста, влияние лексико-грамматических разрядов существительных, а также ряда форм грамматических категорий на стилистическую принадлежность сравнительных конструкций, выявить тенденцию писателя к развёрнутым сравнительным конструкциям, продиктованную эпическим размахом повести.

Ключевые слова: сравнительные конструкции, грамматические средства, лексико-грамматические разряды, грамматическая категория, синтаксическая оформленность, народная поэтика, образность, символика

FEATURES OF GRAMMATICAL MEANS OF CONSTRUCTING COMPARATIVE CONSTRUCTIONS IN THE STORY N.V. GOGOL "TARAS BULBA"

Bardina Tatjana K., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: bardina-tatjana@mail.ru.

The article presents the grammatical means of implementing comparative constructions in the text of the story N.V. Gogol "Taras Bulba". The analyzed tools made it possible to discover the deep connection of comparative constructions with folk poetics and folklore, to trace the relationship of layering grammatical categories and context, the influence of lexical and grammatical categories of nouns, as well as a number of forms of grammatical categories on the stylistic affiliation of comparative constructions, to reveal the writer's characteristic tendency towards detailed comparative constructions dictated by the epic scope of the story.

Keywords: comparative constructions, grammatical means, lexical and grammatical categories, grammatical category, syntactic design, folk poetics, imagery, symbolism

В «Черновых набросках к "Разговору о Данте"» примечательно следующее высказывание О. Мандельштама: «Я сравниваю – значит, я живу – мог бы сказать Дант... ибо нет бытия вне сравнения» [5, с. 161]. Действительно, и в человеческом сознании, и в языке сравнениям принадлежит особое место. Постигая неизведанный, опасный, тревожный, но такой интересный и разнообразный мир, человек использовал испытанный и верный способ именования – сравнение, сопоставляя новое, непонятное с уже хорошо известным. Г.Н. Складарская отмечала: «С точки зрения логики сравнение – один из приёмов ознакомления с предметом в тех случаях, когда определение понятия невозможно или не требуется. Этот приём употребляется в том случае, когда интересующее нас понятие можно сопоставить с другими понятиями, похожими на него, и в результате такого сопоставления лучше уяснить данное понятие» [7, с. 12]. Действительно, в обычной жизни, если мы по каким-либо причинам затрудняемся в подборе точного слова при обозначении какого-либо явления, предпочтение отдаётся именно сравнениям.

Отметим несколько существенных позиций, присущих именно сравнениям. Первое: сравнение, сопоставляя одно понятие с другим, подчиняется законам логики. Ж. Дюбуа указывал, что в сравнении «нет отклонения от лексического кода» [4, с. 207]. Второе: в сравнении оба понятия соотносятся на рациональных основаниях, «не совмещаясь и не сливаясь» [7, с. 13]. Третье: для синтаксической конструкции характерна синтаксическая оформленность, в которой уподобление объектов происходит «по одному общему признаку» [7, с. 13]. Перечисленные позиции характерны не только для общеязыковых сравнений, но и для поэтических.

Говоря о языке художественного произведения, необходимо сказать о такой важной функциональной особенности сравнений, как экспрессивность, образность характеристик персонажей, ситуаций, явлений природы. Поскольку в языке прослеживается тенденция к аналитизму и экономии языковых средств, то сравнения своей лаконичностью, яркостью и наглядностью как не что иное демонстрируют явное предпочтение пространным описаниям.

В чём истоки экспрессивности сравнений? Думается, что они кроются в традиционных сферах жизни человека, во всех её многоаспектных проявлениях, ибо понятно то, что насущно и очевидно. Чтобы стать запоминающимся, выразительным, образ, по мнению В.М. Мокиенко, «должен являться актуальным (общепонятным) и зримым» [6, с. 41]. Вполне закономерно, что ядро собранной картотеки по повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» составили группы сравнений с животными, птицами, насекомыми, растительностью, явлениями природы и стихиями, предметными одушевлёнными существительными, качественными характеристиками людей, неодушевлёнными существительными, представляющими быт козаков.

Реализация сравнительных конструкций осуществляется с помощью употребления следующих грамматических средств:

- 1) имени существительного в творительном падеже;
- 2) союзов *как, будто, как будто, чем, что*;
- 3) предлогов *наподобие, подобно*;
- 4) прилагательных в сравнительной степени;
- 5) предикативов *подобен, похож, делавший похожим, сделавший похожим, делало похожим*;
- 6) развёрнутых сравнений.

Особый интерес представляют средства, имеющие глубокую связь с народной поэтикой и фольклором, разговорной речью. Такими глубинными связями обладают сравнения, выраженные формой творительного падежа имени существительного. Существует мнение, что источником их происхождения явились древние поверия об оборотничестве. Тема магической перемены как человека, так и животного необычайно распространена в русском

народном фольклоре. Так, серый волк мог оборачиваться Еленой Прекрасной и конём; добрый молодец – соколом; Василиса Премудрая могла обращаться коней – лугом, деревьями, озером; Ивана-царевича – пастухом, попом, селезнем, а себя – овечкой, церковью, уткой. В повести «Тарас Бульба» зафиксировано 22 употребления таких конструкций, являющихся характерной чертой устного народного творчества, объект сравнения в которых представлен нарицательными существительными в форме единственного и множественного числа двух лексико-грамматических разрядов существительных – конкретных и абстрактных. Среди конкретных существительных выделяются подгруппы, обозначающие:

а) явления природы: *горою, океаном, молнией, ручьем, вихрем*. «Уже равнина, которую они проехали, кажется издали **горою** и все собой закрыло» [2, с. 77]. «Слова эти, произнесенные кем-то из толпы, пролетели **молнией** по всем головам» [2, с. 95];

б) конкретные предметы: *кистью, камнем, уздой, монетою, стеной, стрелой, искрою*. «По небу, изголуба-темному, как будто исполинского **кистью** наляпаны были широкие полосы из розового золота» [2, с. 82]. «Но как тяжелым **камнем** хватило его самого в ту же минуту» [2, с. 143]. «...крупною **монетою** оплачивали козаки прежние долги» [2, с. 99];

в) в двух случаях используются одушевлённые существительные: *мстителями* и субстантиват *мертвою*: «...отец, братья и вся отчизна его стоят позади его суровыми **мстителями**» [2, с. 113]. «Площадь казалась **мертвою**» [2, с. 113].

Абстрактные существительные представлены лексемами, обозначающими:

а) качества людей: *крепостью, твердостью*: «Ясной **твердостью** сверкал глаз его, смелою дугою выгнулась бархатная бровь» [2, с. 112]. «**Крепостью** дышало его тело...» [2, с. 100];

б) колористические характеристики: *румянцем, блеском, яркостью*: «...Загорелые щеки блистали всею **яркостью** девственного огня...» [2, с. 112]. «Окно с цветными стеклами, бывшее над алтарем, озарилось розовым **румянцем** утра...» [2, с. 108];

в) состояния: *дыбом*: «И пойдет **дыбом** по всему свету о них слава» [2, с. 133].

Сравнительные обороты с союзами *как, как будто, что, чем* имеют более позднее происхождение. Самыми частотными в повести Гоголя являются конструкции с союзом *как* – 85 употреблений! Условно их можно разбить на следующие тематические группы.

1. Сравнения, связанные с образами животных: *как собака, как львы, как тигр, как червь, как белки, как бараны, как барашек, как серна*. Среди этих сравнений самым распространённым является сравнение с собакой – 10 употреблений. Наставление Тараса собирающимся в поход козакам сопровождается запретами, приправленными жёсткими и неоспоримыми выражениями: «**Как собака**, будет он застрелен на месте и кинут безо всякого погребенья на поклев птицам ...» [2, с. 97]. О попавшем в плен куренном атамане Хлибе, стыдящемся перед козаками своей наготы: «...лопал в плен, **как собака**, сонный» [2, с. 122]. О козацкой силе, пропадающей без служения отечеству: «...чтобы человек сгинул, **как собака**, без доброго дела» [2, с. 89]. О Янкеле, к которому Бульба обращается за помощью: «Тебя бы разорвали, **как собаку**, запорожцы» [2, с. 146]. Об Андрии, которому Тарас выносит жестокий приговор: «Пропал, пропал бесславно, **как подлая собака**» [2, с. 142]. О встреченном в степи татарине: «Маленькая головка с усами ... понюхала воздух, **как гончая собака**...» [2, с. 83]. В большинстве случаев с собакой сравниваются вероотступники, предатели, враги. Дело в том, что в христианстве исчадием ада, наряду со змеем, считалась и собака. Поскольку

запорожцы являются защитниками отечества и православия, то сравнение с собакой является бранным. Исключением из этого ряда является трогательное сравнение, описывающее детей Янкеля *«Двое жиденков, как две домашние собачки, легли на полу возле шкафа»* [2, с. 151].

2. Сравнение с птицами: *как орел, как орлица, как лебедь, как степная чайка, как ястреб, как шея аиста, как цыпленок, как воробей*. Поэтические сравнения с орлом и ястребом, включающие в свою сему значения силы, смелости и гордости, Гоголь использует исключительно для характеристики любимых героев. С благородными и мужественными орлами сравниваются козаки: *«Как орлы, озирали они вокруг себя очами все поле и чернеющую вдали судьбу свою»* [2, с. 133]. Умелый и сильный воин, Остап сравнивается с ястребом: *«Как плавающий в небе ястреб, давши много кругов сильными крылами...»* [2, с. 124]. А вот сравнение с орлицами в противовес сказанному имеет ироничное значение в колоритной зарисовке, когда торговки пытаются укрыть свой товар от голодных бурсаков *«как орлицы детей своих»* [2, с. 78]. С тревожной чайкой сравнивает писатель несчастную мать накануне расставания с горячо любимыми сыновьями: *«Она с жаром, страстью с слезами, как степная чайка, вилась над детьми своими»* [2, с. 75].

3. Сравнение с насекомыми: *как муха, как шмели, как мошки*. Пытаясь польстить польскому гайдуку, Янкель беззастенчиво преувеличивает его возможности: *«Нужно бы пана посадить на жеребца, такого скорого, как муха, да и пусть муштрует полки!»* [2, с. 153]. Сбор козаков на площади для выборов нового кошевого сравнивается с роем шмелей: *«...и скоро на площадь, как шмели, стали собираться черные тучи запорожцев»* [2, с. 89].

4. Сравнение с деревьями: *как дуб, как тополь, как калина*. С дубом сравнивается только Тарас, ибо он подобен фольклорному богатырю. Его тяжело ранят во время пленения Остапа: *«И грохнулся он, как подрубленный дуб, на землю»* [2, с. 143]. В попытке увидеться с пленённым Остапом Бульба теряет душевное равновесие: *«Он не был тот прежний непреклонный, неколебимый, крепкий, как дуб; он был малодушен; он был теперь слаб»* [2, с. 150]. Любопытно, что два прекрасных сравнения с тополем и калиной относятся к польскому рыцарю, врагу козаков: *«Как стройный тополь, носился он на буланом коне своем»* [2, с. 123]. Смерть рыцаря также описана поэтично: *«Ключом хлынула вверх алая, как надречная калина, высокая дворянская кровь и выкрасила весь обшитый золотом желтый кафтан его»* [2, с. 124]. Символика калины в народной поэтике неоднозначна. За долгое время она подверглась значительному искажению. В одном из ранних калину связывали с переходом из одного мира в другой, то есть с похоронными обрядами. Красные ягоды калины – это кровь. Н.В. Гоголь, глубоко разбиравшийся в символике, использует калину как знак смерти.

5. Сравнения с явлениями природы и стихиями: *как снег, как море, как морские волны, как вихрь, как от солнца, как из морской пучины* вполне закономерны. Поэтизируя образы козаков, величественную природу, неотвратимую беспощадность надвигающихся событий, писатель прибегает именно к таким масштабным и величественным образам. Могучий Днепр сравнивается с морем: *«...дотоле спертый порогами, брал наконец свое и шумел, как море, разлившись по воле»* [2, с. 83]. Удалой танец запорожцев сравнивается с вихрем: *«...четверо старых вырабатывали довольно мелко ногами, вскидывались, как вихорь, на сторону, почти на голову музыкантам»* [2, с. 84]. Воспоминания Андрия о полячке перед их встречей в осаждённом городе сравниваются с пучиной как предзнаменование скорой гибели: *«Она вынырнула перед ним, как из темной морской пучины, гордая женщина»* [2, с. 105].

6. Защищая православие, национальную независимость, родную отчизну, козаки защищают от врага и свои отцовские хутора, и свои семьи, поэтому в особую группу выделены сравнения с предметными одушевлёнными

существительными, связанными с семьёй: *как дети, как ребенок, как братья, как вдовица, как нянька*. Каково же было изумление Андрия, обнаружившего, что два десятиведёрных казана совершенно пусты: «*Запорожцы как дети: коли мало – съедят, коли много – тоже ничего не оставят*» [2, с. 105]. Неуютно чувствует себя Янкель, вынужденный после неудачи в переговорах идти с Тарасом на площадь: «...и жид, *как нянька, вздыхая, побрел вслед за ним*» [2, с. 154]. Накануне серьёзного сражения Тарас обращается с проникновенной речью к своим товарищам: «*Только остались мы, сырые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая, так же как и мы, земля наша!*» [2, с. 134].

7. Сравнения с качествами, характеризующими людей: *как исполин, как Соломон, как бесчестного, как бешеная, как уличный вор*. Два из них примечательны своим величием. С исполином, то есть великаном, богатырём, сравнивается Остап, стойко переносящий нечеловеческие муки. Мудрость Мардохая сравнима с библейской: «*У – у! то такой мудрый, как Соломон; и когда он ничего не сделает, то уж никто на свете не сделает*» [2, с. 150]. Другие же контрастируют отметкой позора и порицания. Прогулявшийся козак Мосий Шило украл чужую сбрую: «...прокрался, *как уличный вор*» [2, с. 137]. Воровство в Запорожской Сечи наказывалось сурово: «...его, *как бесчестного, привязывали к позорному столбу и клали возле него дубину...*» [2, с. 88].

8. Сравнения, в которых объектом сравнения являются предметы домашнего быта, представлены двумя лексико-грамматическими разрядами существительных:

а) конкретными: *как в зеркале, как в мешке, как палка, как уголь, как верста, как хлебный колос, как траурный бархат*. Оцепеневший от красоты полячки, Андрий: «...не мог пошевелить рукою и был связан, *как в мешке*» [2, с. 80]. Высокий и худой Янкель сравнивается с палкой: «...кричал один, *высокий и длинный, как палка, жид, высунувши из кучи своих товарищей жалкую свою рожу*» [2, с. 96];

б) вещественными: *как сахар, как уголь, как порошинка, как бархат*. Волосы пленной татарки «*длинные и черные, как уголь*» [2, с. 103]; а рука польской панны «...*как белый сахар*» [2, с. 155].

Незатейливая семантика бытоописания повлекла соответствующие сравнения, простые, повседневные. Совершенно иное наполнение имеет сравнительный оборот *как бархат*: «Он был и мертвый прекрасен ... *черные брови, как траурный бархат, оттеняли его побледневшие черты*» [2, с. 142]. Это высокая скорбная нота писателя.

Сравнительные конструкции с предлогом *подобно* являются прерогативой разговорной речи: «*Несколько женщин, похожих на привидения, стояли на коленях*» [2, с. 108]. Обезумевший голодный в осаждённом городе бросается на хлеб «*подобно бешеной собаке*» [2, с. 110]. Великолепны описания внешности, выхватывающие самый яркий признак: «*Рыжий жид скинул полукафтанье и, сделавшись в своих чулках и башмаках несколько похожим на цыпленка, отправился со своею жиловкой во что-то похожее на шкаф*» [2, с. 151].

Сравнения с прилагательными в сравнительной степени. Являясь словоизменительной грамматической категорией, категория степеней сравнения прилагательных имеет как план содержания, так и план выражения. С точки зрения плана содержания формы сравнительной степени указывают на большее проявление какого-либо качества или состояния у лица или предмета, а также используются для обозначения усиления, роста качества у лица или предмета. С точки зрения плана выражения сравнительная степень в тексте повести в составе сравнительных конструкций представлена синтетическими формами как сравнительной, так и превосходной степени, являющимися, в отличие от других форм, бесспорными членами парадигмы категории

степеней сравнения: «Но если к нему да присоединится еще приличное слово, то **вдвое крепче** будет сила и вина, и духа» [2, с. 132]. «Нет уз **святее товарищества!**» [2, с. 134]. «Милость чужого короля... **дороже** для них всякого братства» [2, с. 135]. «Нужно, чтобы он речами своими разодрал на части мое сердце, чтобы горькая моя участь была еще **горше**, чтобы еще **жалче** было мне моей молодой жизни, чтобы еще **страшнее** казалась мне смерть моя...» [2, с. 115].

Среди подавляющего большинства конструкций со сравнительной степенью (39 наименований из картотеки) встречаются и конструкции с превосходной степенью (16 случаев). Эти формы указывают на качества, присущие предмету, которые превосходят его наличие в другом. Обращает на себя внимание чёткое указание на те предметы, в пределах которых устанавливается превосходство: «И вечно не будет между ними одного, **милейшего всех**» [2, с. 136]. «Иной раз повершал такое дело, какого **мудрейшему** не придумать» [2, с. 137]. «Тогда вышел вперед всех **старейший** годами во всем запорожском войске Касьян Бовдуг...» [2, с. 128]. «Стоило мне только махнуть рукой, и любой из них, **красивейший, прекраснейший** лицом и породой, стал бы моим супругом» [2, с. 114]. «Украине не видать тоже **храбрейшего** из своих детей, взявшихся защищать ее» [2, с. 116]. В собранной картотеке обнаружена лишь одна форма префиксального образования, обозначающая высшую до предела степень качества: «И сам **разъезжает**, и другие **разъезжают**; и он учит, и его учат. Как **наибогатейший** польский пан» [2, с. 119] – так Янкель описывает Тарасу встреченного им Андрия, перешедшего на сторону поляков.

Заметим, что синтетические формы сравнительной степени характерны для разговорной речи, а также для просторечий, тогда как формы превосходной степени употребляются преимущественно в книжной речи. Это говорит о том, что используемые Гоголем сравнения могут быть не только простыми, но и изысканными, способными облагородить и возвысить героя, причём они могут относиться не только к козакам, но и к полякам, среди которых немало достойных, храбрых и доблестных воинов.

Говоря о глубоких связях повести с народной поэтикой, нельзя не обратить внимание на гиперболические сравнения. Прежде всего они используются для излюбленного Гоголем предмета одежды козаков – шаровар: «Бурсаки вдруг преобразились: на них явились ... шаровары шириною в Черное море, с тысячею складок и со сборами...» [2, с. 76]. «Консул ... имел такие страшные карманы в своих шароварах, что мог поместить туда всю лавку заезжавшей торговли» [2, с. 78–79]. Риск корыстолюбивых торговцев, живущих в предместье Сечи, сравнивается с жизнью вблизи смертоносного вулкана: «Они были похожи на тех, которые селились у подошвы Везувия...» [2, с. 87].

Широко использует Гоголь и развёрнутые сравнения с предикативами *подобен, похож, делавший похожим, сделавшись похожим, делало похожим*, выраженные как простыми, так и сложноподчинёнными предложениями с придаточными сравнительными, сравнительно-сопоставительными и даже с придаточными условия. Исследователи, в частности, Н.Д. Арутюнова, отмечают в этой связи свободу сравнений «в сочетаемости с предикатами разных значений, указывающими на те действия, состояния и аспекты объекта, которые стимулировали уподобление» [1, с. 32]. «Так, как солнце **взглянет весною**, когда в огороде всякая птишка **пищит и поет и травка пахнет**, так и он **весь сияет в золоте**» [2, с. 119]. Именно так Янкель рассказывает ослепневшему Тарасу, ничего не знавшему о судьбе пропавшего сына, о том, как великолепно и блистательно выглядит Андрий в рыцарских доспехах, перейдя на службу к врагу. «Коли человек **влюбится**, то он все равно что **подошва, которую, коли размочишь в воде, возьми согни – она и согнется**» [2, с. 120]. Мудрый и всё знающий Янкель объясняет Бульбе, почему его сын

перешёл к полякам, считая, что любовь делает человека уязвимым и способным даже на предательство. Тенденция Гоголя к развёрнутым сравнениям, которые были характерны для «классического эпоса» [3, с. 321], была отмечена А. Горнфельдом.

Эпическое полотно, в котором воспеты верность долгу, товариществу и своему отечеству героев былинного размаха потребовали от художника достоверности, с одной стороны, и высокого пафоса, с другой. Грамматические средства выражения сравнительных конструкций с образной семантикой, коннотативной наполненностью обеспечили органичное сосуществование в повести Гоголя повседневного и возвышенного, нежного, трогательного и жестокого, низкого и благородного, ироничного и бранного; обычного и скажочно-гиперболического.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры : сб. / под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – 512 с.
2. Гоголь Н. В. Избранные сочинения / Н. В. Гоголь. – М. : Худ. литература, 1987. – 703 с.
3. Горнфельд А. Г. Сравнение в литературе / А. Г. Горнфельд // Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Эфрона. – М. : б-ка «Вехи». – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/index.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Дюбуа Ж. Общая риторика / Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж.-М. Клиненберг, Ф. Пир, А. Тринон; под общ. ред. А. К. Авеличева. – М. : Прогресс, 1986. – 392 с.
5. Мандельштам О. Э. Черновые наброски к «Разговору о Данте» / О. Э. Мандельштам // Слово и культура: статьи. – М. : Советский писатель, 1987. – 320 с.
6. Мокиенко В. М. Из сокровищницы русской речи / В. М. Мокиенко // Мир русского слова. – 2001. – № 4. – С. 40–46.
7. Складаревская Г. Н. Метафора и сравнение: логические, семантические и структурные различия / Г. Н. Складаревская // Мир русского слова. – 2017. – № 4. – С. 8–17.

References

1. Arutjunova N. D. Metafora i diskurs. Teorija metafory, ed. N. D. Arutjunov, M. A. Zhurinskoj. M.: Progress, 1990. 512 p.
2. Gogol' N. V. Izbrannye sochinenija. M.: Hud. literatura, 1987. 703 p.
3. Gornfel'd A. G. Sravnenie v literature. Jenciklopedicheskij slovar' F. Brokgauza i I. Jefrona. M.: b-ka «Vehi». Available at: <http://www.vehi.net/brokgauz/index.html>.
4. Djubua Zh., Jedelin F., Klinkenberg Zh.-M., Pir F., Trinon A. Obshhaja ritorika / ed. A. K. Avelichev. M.: Progress, 1986. 392 p.
5. Mandel'shtam O. Je. Chernovyje nabroski k Razgovoru o Dante. Slovo i kul'tura. M.: Sovetskij pisatel', 1987. 320 p.
6. Mokienko V. M. Iz sokrovishhnicy russkoj rechi // Mir russkogo slova, 2001. № 4, pp. 40–46.
7. Skljarevskaja G. N. Metafora i sravnenie: logicheskie, semanticheskie i strukturnye razlichija // Mir russkogo slova, 2017, № 4, pp. 8–17.